

въ Парскомъ Селѣ*, написанномъ въ 1815 году, Пушкинъ называетъ Наполеона, посягающаго на политическую независимость европейскихъ народовъ, „бичемъ вселенной“.

„Виснуа кровавый мечъ въ неуратиной дланѣ
Коварствомъ, дравствомъ вѣнчаннаго царя;
Возстаа вселенной бичъ—и въ скорѣй лютотъ брани
Зарѣдѣла, грозная зѣра“.

Наполеонъ—„тиранъ, презрѣшій правды гласъ и вѣру и законъ“. Миръ лежалъ въ оковахъ передъ нимъ. „Съ трепетомъ народы несли ему робко дань свободы, знамена чести преклонили“. („Наполеонъ на эльбѣ“). Онъ „налагалъ яремъ державный на земныя племена“ („Наполеонъ“). Неудача Наполеона показала всю несостоятельность попытокъ лишить народы политической независимости. Европа освобождена была отъ политическаго рабства. „Высокій жребій“—освободить Европу отъ рабства выпалъ на долю Россіи.

Хвала!.. онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И миру вѣчную свободу
Изъ мрака съвязи завѣшалъ.

Если Наполеонъ—тиранъ, губитель свободы, то наоборотъ, Императоръ Александръ I—поборникъ, герой этой свободы; Александръ I—

„Народовъ другъ, спаситель ихъ свобода“

Онъ „клялся далъ снугу
„Лѣтъ два огранитъ страну свою родную“.

Оградивши отъ нѣя свою страну, Александръ I посвятилъ на освобожденіе отъ нѣя и другихъ странъ европейскихъ.

„И чѣмъ приподнявъ нѣя мрачности
Гробовъ,

Народы, падше подъ бременемъ оковъ,
Тяжело тѣло съ посторогомъ потрясла.
И съ робкой радостью другъ друга вопрошала.
„Ужель свобода нѣя?.. Ужель нѣя грозный вѣтъ?..
Кто сѣялъ, кто въ гробѣхъ на Сибирѣ возсталъ?“
И вѣху главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣни окружила
Освобожденію отъ расѣхъ узъ рукой...*

(„На возвращеніи Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году“)

Другое событіе, которое глубоко интересовало Пушкина и по поводу котораго онъ высказалъ тѣ же идеи о свободѣ, какъ политической самостоятельности отдѣльныхъ народовъ, была борьба Греціи за независимость. Изъ Кишинева Пушкинъ писалъ подробности этой борьбы въ письмахъ къ своему другу А. Н. Раевскому. Нравственные качества грековъ возмущали поэта, но ихъ возстаніе онъ считалъ святымъ дѣломъ. Въ одномъ письмѣ къ А. Н. Раевскому въ 1823 году онъ пишетъ: „Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ выпала священная обязанность быть защитниками свободы“. Въ томъ же 1823 году написано стихотвореніе „Возстаніе, о Греція, возстаніе“, въ

пья.» („Политический замѣтки“ и „Изъ романа въ письмахъ“).

Но личныя достоинства далеко не всегда совпадаютъ съ знатнымъ родомъ или высокими положеніемъ въ обществѣ. Въ стихотвореніи «Къ портрету г. П. Л. Вяземскаго» читаемъ:

„Судьба свои дары явилъ желала въ немъ,
Въ счастливомъ блонинѣ соединилъ ошпкой
Богатство, знатный родъ съ возмужными
Умомъ,
И простодушіе съ лавинной улыбкой.“

Соединеніе богатства и знатнаго рода съ возмужнымъ умомъ Пушкинъ считаетъ ошибкой судьбы. Очевидно, современная Пушкину русская жизнь подсказала ему такой приговоръ. Не разъ Пушкинъ указываетъ въ своихъ произведеніяхъ на отсутствіе личнаго заслугу у людей знатныхъ и высокопоставленныхъ. Такъ, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ находитъ такую характеристику:

„Онъ вѣнчанъ; красить волосы;
Онъ чинимъ отъ ума извѣданъ.“

Напротивъ, личныя достоинства обладаютъ нижегородскій мѣщанинъ Мининъ и Ломоносовъ, „рожденный въ низкомъ сословіи.“ Въ Ломоносовѣ Пушкинъ восхваляетъ его сознаніе собственного достоинства и независимость передъ знатно. „Умѣлъ онъ за себя постоять, говорить Пушкинъ, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ членовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову „председателю музъ, высокому своему патрону,“ который вздумалъ было надѣть на него пошуты: „Ваше высокопревосходительство, не только у великому, но ниже у Господа Бога моего дуракомъ быть не хочу.“ (Мысль на дорогѣ).

Пушкинъ высоко цѣнитъ гордость истинными заслугами предковъ, признаетъ воспитательное значеніе такой гордости, но личное достоинство ставитъ выше знатности происхожденія и порицаетъ тщеславную кичливость дворянскія знаніемъ. Примѣръ такой кичливости, дворянской слѣпости описывается въ Дубровскомъ. Дочь Троекурова, Маша не обратила никакого вниманія на молодого француза. Воспитанная въ аристократическѣхъ предрассудкахъ, учитель былъ для нея родъ слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужичиномъ. „Правда, эта сословная слѣпость не успѣла еще укрѣпиться въ сердцѣ молодой дѣвушки; но крайней мѣрѣ, по отношенію къ молодому Дубровскому она вскорѣ отказалась отъ аристократическѣхъ предрассудковъ. Дубровскій, (жившій у Троекурова подѣ именемъ Дефоржа) убилъ медвѣдя. „Воображеніе ея (Маши) было поражено: она видѣла мертвѣго медвѣдя и Дефоржа, спокойно стоящаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она видѣла, что храбрость и гордое самолюбіе не исключительны принадлежатъ одному сословию, и съ тѣхъ поръ стала оказывать молодому учителю уваженіе.“ И вообще духовныя качества человѣческой природы не составляютъ привилегіи одного сословія.

тѣхъ же „Полемическихъ замѣткахъ“ Пушкинъ говоритъ: „у насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно обиняки“. Такимъ образомъ, Пушкинъ, защищая въ „Мысляхъ на дорогѣ“ предварительную цензуру, самъ указываетъ и на полную несостоятельность ея. Не предупредительная, а карательная цензура, очевидно, должна стоять на стражѣ интересовъ обществѣ, наказывая злоупотребленія свободой печати.

Указывая на необходимость въ интересахъ обществѣ стѣсненія печатнаго слова, Пушкинъ остается горячимъ защитникомъ свободы поэтической мысли, ограниченной только самыми необходимыми стѣсненіями. Эти стѣсненія являются исключеніями, подтверждающими только общее правило—свободу мысли и свободу печати. Свобода печати и свобода мысли—надежные проводники просвѣщенія, которое является первымъ и главнымъ условіемъ общественнаго развитія. Пушкинъ говоритъ:

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать.
Старинныя глупости мы праведно стыдимся.
Увели къ тѣмъ годамъ мы снова обратились,
Когда никто не сѣлъ отечество называть,
И въ работѣ полагалъ и люди, и печати!
Нѣтъ, нѣтъ! Оно прошло губительное время,
Когда невѣжества несли Россіи бремя“.

Губительное время невѣжества прошло и цензоры, стоящіе на высотѣ своего призванія,

„Мнѣня не тѣснить и разумъ терять...
Полезной истинѣ путей не заграждать;
Живой поэзіи развитію не мѣшать“.

Во „Второмъ Посланіи“ поэтъ съ такими словами обращается къ цензурѣ:

„Правъ свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, по мируму уму.
И даже глупости певниной и довольной.
Не заграждай пути заставой своевольной“.

Законодатель, издавая законы цензурѣ, долженъ преслѣдовать тѣ цѣли, „дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безмысленной и своевольной управы; а съ другой—чтобы писатель не употребилъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной“ („Александръ Радичевъ“).

Роль цензора весьма ответственна. Цензоръ разрѣшаетъ вопросы высокой важности; онъ является судьей въ такомъ дѣлѣ, гдѣ одной стороной являются интересы обществѣ, а другой стороной—мысль, священный даръ Божій. „Цензоры, говорятъ Пушкинъ, гражданскіе и санъ его священны“. Для того чтобы возмѣстить до истиннаго пониманія святости своего сана и до честнаго выполненія своего гражданскаго долга, цензоръ долженъ обладать высокими нравственными качествами. По словамъ Пушкина, цензоръ „долженъ умѣть имѣть прямой и благородный; хороший цензоръ, „Закономъ преданный, отечествомъ любви, Принять ответственность уметь на себя;“

хорошій цензоръ—
Другъ писателю, предъ знаніемъ не трусится,
Благоразуменъ, твердъ, свобод